

УДК 336.71:004.738.5(575.1)

РОЛЬ ФИНТЕХА В РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УЗБЕКИСТАНА И МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

С.У. ТАДЖИЕВА¹, К.Т. ИКРОМОВ²

¹профессор кафедры «Маркетинга и менеджмента»

²самостоятельный исследователь

Бухарский государственный университет

г.Бухара, Республика Узбекистан

Аннотация: В статье рассматривается роль финансовых технологий в развитии цифровой финансовой инклюзии, с акцентом на сравнительный анализ международных моделей и практик. На основе кейсов Индии, Кении, Китая и Казахстана выявлены типовые стратегии цифровизации финансовых услуг. Особое внимание уделено текущему состоянию цифровой инклюзии в Узбекистане и потенциальной применимости зарубежного опыта. Автор формулирует практические рекомендации по адаптации успешных решений в национальном контексте.

Ключевые слова: финансовая инклюзия, финтех, цифровизация, мобильные платежи, Узбекистан, устойчивое развитие, международный опыт, цифровые финансовые услуги.

THE ROLE OF FINTECH IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL FINANCIAL INCLUSION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF UZBEKISTAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

S. U. TADJIEVA, K. T. IKROMOV

Professor, Department of Marketing and Management

Independent researcher

Bukhara State University

Bukhara, Republic of Uzbekistan

Abstract. This paper explores the role of financial technologies in advancing digital financial inclusion, with a focus on comparative analysis

of international models and practices. Case studies from India, Kenya, China, and Kazakhstan are examined to identify key strategies for digitalizing financial services. Special attention is given to the current state of digital inclusion in Uzbekistan and the potential for adapting global experiences. The author offers practical recommendations tailored to the national context.

Keywords: financial inclusion, fintech, digitalization, mobile payments, Uzbekistan, sustainable development, international experience, digital financial services

В условиях ускоряющейся цифровизации мировой экономики расширение доступа населения к финансовым услугам приобретает особую актуальность как важнейшее направление устойчивого и инклюзивного роста. Объектом настоящего исследования является процесс формирования цифровой финансовой инклюзии – то есть вовлечение широких слоев населения, включая уязвимые группы, в систему современных финансовых услуг на базе цифровых технологий.

За последние два десятилетия финансовая инклюзия стала глобальным приоритетом в политике многих стран и международных организаций. Как подчеркивается в докладе The Global Findex Database 2021 (World Bank), к 2021 году 76% взрослого населения мира имело доступ к формальному финансовому счету, что на 25 п.п. выше, чем в 2011 году [1]. Однако, несмотря на позитивную динамику, около 1,4 миллиарда взрослых все еще остаются вне системы формальных финансов. Для преодоления этих диспропорций страны применяют различные стратегии, в том числе с использованием финтех-решений – цифровых платформ, мобильных платежных сервисов, онлайн-кредитования и других инструментов.

Особое внимание в научной и прикладной литературе уделяется роли финтеха как драйвера инклюзивного развития. Согласно исследованиям Patwardhan и соавт. (2018), инновационные финансовые технологии позволяют преодолеть инфраструктурные и транзакционные барьеры, существенно расширяя охват финансовыми услугами ранее исключенных категорий – женщин, сельского населения, мигрантов, представителей неформального сектора [3]. Аналогичные выводы содержатся в аналитических материалах IMF (2024), где

показано, что цифровые каналы все чаще используются для получения кредитов, осуществления платежей и накоплений среди населения с низкими доходами [2].

В странах с формирующимся рынком, таких как Республика Узбекистан, проблемы финансовой доступности особенно остро проявляются в сельских районах, среди женщин и самозанятых граждан. Несмотря на активную цифровизацию банковского сектора и рост мобильных сервисов, уровень вовлеченности населения в формальные финансовые отношения остается ограниченным. В этой связи необходимо проанализировать, какие модели цифровой финансовой инклюзии успешно реализованы в других странах и насколько они применимы в узбекском контексте.

Целью данного исследования является оценка потенциала финтех-технологий для развития цифровой финансовой инклюзии в Узбекистане с учетом международного опыта и существующих институциональных условий.

Для достижения цели поставлены следующие вопросы, требующие решения:

- Какова природа и структура цифровой финансовой инклюзии в современных условиях?
- Какие стратегические модели цифровой инклюзии применяются в других странах?
- Какие барьеры препятствуют развитию цифровой инклюзии в республике Узбекистан и как их можно преодолеть?

Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью научного осмысления механизмов, с помощью которых цифровые технологии могут обеспечить не только расширение доступа к финансовым услугам, но и повышение экономической устойчивости уязвимых групп, содействуя достижению целей устойчивого развития.

Финансовая инклюзия в Республике Узбекистан в последние годы получила системную поддержку на уровне государственной политики. В рамках «Стратегии развития нового Узбекистана на 2022–2026 годы» и «Программы цифровой трансформации экономики» особое внимание уделяется созданию инклюзивной финансовой системы. Центральный банк Узбекистана (ЦБУ) внедряет меры по по-

вышению доступности банковских услуг, развитию цифровых платежных систем и стимулированию небанковского сектора, включая микрофинансовые организации и финтех-стартапы.

Одной из приоритетных задач стало расширение доступа к безналичным расчетам, в том числе в сельской местности. По данным Статистического бюллетеня ЦБУ за декабрь 2024 года, количество пользователей дистанционного банковского обслуживания выросло до более чем 28 млн, при этом число активных пластиковых карт превысило 36 млн единиц [4]. Также наблюдается рост количества POS-терминалов и онлайн-эквайринга, особенно в малом бизнесе и секторе услуг.

Цифровизация финансовых услуг в Узбекистане в значительной степени обусловлена ростом финтех-сектора. Среди успешных отечественных решений можно выделить платежные платформы UzCard и HUMO, которые обеспечивают повсеместное распространение безналичных операций. Кроме того, активно развиваются мобильные банковские приложения, предлагающие функции переводов, кредитования, открытия депозитов и оплаты коммунальных услуг [4].

Несмотря на прогресс, цифровая финансовая инклюзия в Узбекистане ограничена цифровым неравенством, низкой финансовой грамотностью, слабой защитой потребителей и ограниченной конкуренцией. Перспективными направлениями остаются мобильное страхование, открытый банкинг и смарт-контракты.

Вместо сопоставления отдельных стран целесообразно рассматривать финансовую инклюзию как совокупность институциональных моделей, реализуемых через различные стратегические подходы. Такой подход позволяет более точно выявить применимость тех или иных решений в национальном контексте. В рамках данного исследования предлагается выделить четыре базовые модели цифровой инклюзии:

- инфраструктурную;
- рыночно-конкурентную;
- телекоммуникационную;
- инклюзивно-социальную.

Инфраструктурная модель. Данный подход предполагает активное участие государства в создании единой цифровой архитектуры – платежной, идентификационной, кредитной и фискальной. В Индии, например, платформа Unified Payments Interface (UPI), совмещенная с биометрической системой Aadhaar, позволила обеспечить массовое цифровое включение населения [2], [3]. В Бразилии реализована система моментальных переводов Pix, разработанная Центральным банком.

В Узбекистане также прослеживается движение в этом направлении – функционируют национальные платежные системы UzCard и НУМО, развивается механизм QR-платежей. Однако отсутствует единый протокол открытого взаимодействия между банками и поставщиками услуг (API), как в UPI, и полноценная цифровая идентификация.

Рыночная модель. Характеризуется активным развитием финтех-сектора на частной основе при минимальном вмешательстве государства. В Китае доминируют Alipay и WeChat Pay, охватывающие более 90% населения [3], [9]. В США – широкий спектр стартапов в области онлайн-банкинга, краудфандинга, peer-to-peer кредитования и цифровых активов.

Узбекистан в меньшей степени следует этому пути: финтех-продукты в основном развиваются в рамках коммерческих банков, а небанковские технологические стартапы слабо представлены. Для перехода к этой модели требуется создание механизмов лицензирования финтех-участников вне банковского сектора.

Телеком-модель. В этой модели основную функцию по распространению финансовых услуг выполняют мобильные операторы. Так, в Кении система M-Pesa позволила охватить 80% взрослого населения без банковских счетов, используя простые SMS-интерфейсы. Аналогичный опыт демонстрирует bKash в Бангладеш [3].

В Узбекистане высокая мобильная проникновенность и широкое покрытие сотовой связи создают потенциал для аналогичной модели. Однако мобильные операторы пока не интегрированы в систему финансовых услуг, за исключением предоставления USSD-интерфейсов для банковских операций.

Инклюзивно-социальная модель. Основой этой модели является использование цифровых финансов как инструмента реализации государственной социальной политики. В Мексике программа Cuenta para todos ориентирована на женщин и уязвимые группы, в Филиппинах – на мигрантов и малоимущих. Здесь цифровая инклюзия тесно связана с выплатой субсидий, финансовым просвещением и микрокредитованием.

В Узбекистане схожий подход реализуется через программы льготного кредитования женщин, самозанятых и малого бизнеса. Однако эти меры пока не полностью интегрированы в цифровую экосистему и функционируют в изолированных форматах.

Проведенный анализ показывает, что Узбекистан занимает промежуточное положение между инфраструктурной и инклюзивно-социальной моделью, с ограниченными элементами телеком- и рыночных подходов. Это дает основания для выработки гибридной стратегии, сочетающей институциональную устойчивость, мобильную доступность и инновационные форматы обслуживания.

Основные направления дальнейшего развития:

- создание открытой API-инфраструктуры и нормативной среды для финтеха;
- вовлечение телеком-компаний в финансовые сервисы;
- расширение социальной цифровой политики;
- внедрение цифровой идентификации и единого платежного шлюза.

Такая трансформация позволит обеспечить более широкий охват населения и повысить эффективность механизмов финансового участия в условиях цифровой экономики.

Проведенный анализ показал, что Узбекистан достиг значительного прогресса в создании базовой цифровой финансовой инфраструктуры, но все еще сталкивается с рядом барьеров, включая цифровое неравенство, слабую конкуренцию в финтех-секторе и недостаточную интеграцию социальных и финансовых инструментов.

На основе изученных международных практик рекомендуется:

- разработать единую платформу цифровой идентификации и открытых API, обеспечивающую интероперабельность между банками, финтехами и государственными службами;

- создать условия для выхода мобильных операторов на рынок цифровых финансов, особенно в сельских районах;
- развивать программы цифровой финансовой грамотности с акцентом на женщин, молодежь и малообеспеченные группы;
- внедрить цифровые каналы для распределения государственных субсидий, кредитов и социальных выплат, что повысит прозрачность и охват.

Сочетание институционального лидерства с рыночной инновационностью позволит Узбекистану сформировать инклюзивную и устойчивую цифровую финансовую экосистему.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Global Findex Database 2021: Financial Inclusion, Digital Payments, and Resilience in the Age of COVID-19 / A. Demirgüç-Kunt, L. Klapper, D. Singer, S. Ansar. – Washington, DC: World Bank, 2022. – 188 с. – URL: <https://globalfindex.worldbank.org>
2. Financial Access Survey – 2024 Highlights: Marking 15 Years of Supporting Financial Inclusion / Berhe Beyene, Katia Huayta-Zapata, Andrea Quevedo, Miguel Segoviano. – Washington, DC: International Monetary Fund, 2024. – URL: <https://data.imf.org/FAS>
3. Patwardhan A., Schmitz K., Singleton K. Financial Inclusion in the Digital Age. – Washington, DC: World Bank Group; Stanford University, 2018. – 80 с.
4. Центральный банк Республики Узбекистан. Статистический бюллетень за декабрь 2024 г. – Ташкент: ЦБ РУз, 2024. – 107 с. – URL: <https://cbu.uz>
5. Святков С. А., Бендюк Д. Ю. Финансовая инклюзия: международный опыт и казахстанский кейс // Central Asian Economic Review. – 2023. – №2 (149). – С. 140–152. – DOI: 10.52821/2789-4401-2023-2-140-152.
6. Digital Financial Services: Basic Terminology and Regulatory Approaches. – Kuala Lumpur: Alliance for Financial Inclusion (AFI), 2021. – 36 с.
7. Opportunities for All: A Framework for Policy Action on Inclusive Growth. – Paris: OECD Publishing, 2018. – 240 с. – URL: <https://doi.org/10.1787/9789264301665-en>.

8. Klapper L., Singer D., Van Oudheusden P. Financial Inclusion and Inclusive Growth: A Review of Recent Empirical Evidence. – Washington, DC: World Bank, 2015. – (Policy Research Working Paper; No. 8040). – 43 c.

REFERENCES

1. Demirguc-Kunt A., Klapper L., Singer D., Ansar S. The Global Findex Database 2021: Financial Inclusion, Digital Payments, and Resilience in the Age of COVID-19. Washington, DC: World Bank, 2022. 188 p. – URL: <https://globalfindex.worldbank.org>.

2. Beyene B., Huayta-Zapata K., Quevedo A., Segoviano M. Financial Access Survey – 2024 Highlights: Marking 15 Years of Supporting Financial Inclusion. Washington, DC: International Monetary Fund, 2024. – URL: https://data.imf.org/FAS_

3. Patwardhan A., Schmitz K., Singleton K. Financial Inclusion in the Digital Age. Washington, DC: World Bank Group; Stanford University, 2018. 80 p.

4. Central Bank of the Republic of Uzbekistan. Statistical Bulletin for December 2024. Tashkent: CBUz, 2024. 107 p. – URL: <https://cbu.uz>

5. Svyatov S.A., Bendyuk D.Yu. Finansovaya inklyuziya: mezhdunarodnyy opyt i kazakhstanskiy keys [Financial Inclusion: International Experience and the Case of Kazakhstan] // Central Asian Economic Review. 2023. No. 2 (149). Pp. 140–152. DOI: 10.52821/2789-4401-2023-2-140-152.

6. Alliance for Financial Inclusion (AFI). Digital Financial Services: Basic Terminology and Regulatory Approaches. Kuala Lumpur: AFI, 2021. 36 p.

7. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Opportunities for All: A Framework for Policy Action on Inclusive Growth. Paris: OECD Publishing, 2018. 240 p. – URL: <https://doi.org/10.1787/9789264301665-en>.

8. Klapper L., Singer D., Van Oudheusden P. Financial Inclusion and Inclusive Growth: A Review of Recent Empirical Evidence. World Bank Policy Research Working Paper No. 8040. Washington, DC: World Bank, 2015. – 43 p.